

Чем отличаются голые гады от пресмыкающихся

О некоторых образах в творчестве Анны Жучковой

Статьи Жучковой блестящи настолько, что первая реакция – «крыть нечем». Но если поразмыслить, претензии её к Кузьменкову: <https://voplit.ru/column-post/11692/> – явный overkill. «Но мы его любим не за то, каков есть, а за то, каким мог бы стать». Каким мог бы стать Кузьменков?

Казус Кузьменков по контрасту напомнил мне знаменитую реплику тайного советника фон Гёте графу Уваро-

ву: «Пользуйтесь своим незнанием немецкой грамматики – я сам всю жизнь мечтаю её забыть».

Первое право писателя – не понимать того, что он пишет. Это ваша – но и наша – поэтическая вольность. Карательные рейды Кузьменкова – это коллективный донос на самих себя всех редакторов и консультантов всех издательств. Они должны Кузьменкову жопу целовать за то, что он делает их работу. Редактора (честные московские редактора) должны стреляться, вешаться и пить яд по результатам критических набегов Кузьменкова. По крайней мере, могли бы отстукать ему: «В следующем издании обязательно исправлю и сошлюсь на вас». Тем более дело-то до второго издания не дойдёт. Говорят, в первом немецком Фоме Аквинском список опечаток – errata – был толще, чем сама книга. Так что нам теоретически есть куда падать.

Пересмотрите «Зеркало» Тарковского, дорогие редакторы, там главный сюжет с Тереховой – пропущенная опечатка. Нет на вас товарища Сталина!

Кузьменков делает важнейшую работу. Он мог бы спарринговать (коллаборировать) с Галиной Юзефович. Она как-то сказала, что, читая книгу, выписывает в файл понравившееся. Я не очень понимаю, как она это делает физически, но, видимо, наука дошла. И не очень понятно, почему она эти файлы не обнародует, может быть, это сделало бы излишним приобретение-прочтение книг. А Кузьменков публикует ляпы. Забавно было бы, если бы Юзефович и Кузьменков опубликовали свои списки параллельно.

Я русский язык систематически не учил. Я учился словам и пунктуации, читая книжки, останавливаясь и вопрошая сам себе: «А где тут ударение?», «А почему здесь запятая и тире?» (вроде знак такой есть). Ну и как теперь мне быть, если, перечтя «Конспект о кризисе» Агеева, на-

шёл там четыре опечатки и странную систему переносов и подчёркиваний?..

В постскрипуме статьи «Посмотри по-другому» – <http://textura.club/posmotri-po-drugomu/> – Анна Жучкова дезавуирует свою статью целиком. Хватилась в последний момент, что статья против Старобинец выстроена вполне по-старобинцевски и вдобавок – по-кузьменковски: то не так, это не этак. Мы, филологи, как старые большевики, не должны бояться противоречий, тем более что фигура эта, фигура самопротиворечивого высказывания, как раз очень эффективна. И если журналистское расследование за ритуальную вежливость выстроено в форме: «... вы, уважаемая, ... материтесь ... ? (мат вставьте сами) – тем лучше.

«Эстетическая критика» – <https://voplit.ru/column-post/11727/> – Анны Жучковой начинается эффектно: «Роман Сенчин медленно и методично наползает на современную критику». Очень хорошая и загадочная фраза, только не «медленно и методично», а «медленно и печально» (*langsam und trübe*). А ключ к ней на «Острове Сахалин», в статье про Эдуарда Веркина – <http://litteratura.org/criticism/3022-anna-zhuchkova-ostrov-sahalin.html>: «Как удав на слона, роман пытается натянуться на все модные жанры сразу...».

(*Passim*, я сам перешивал «Дядю Ваню» Чехова – называл, конечно «Дядя Вася». Так что я знаю, как это делается, и это не случай Веркина.)

Высоко в горы вполз уж...

Глубоко копнула Анна Жучкова. «Удав на слона» – это иллюстрация с первой страницы книжки, переведённой бабушкой Дмитрия Кузьмина, любимой книжки нашего главнокомандующего. Все читали «Маленького принца»?.. Его зачин – это притча о критике. Дураки взрослые не понимают, что страшного в шляпе. Поэтому надо им сделать шляпу в разрезе: слона в удаве.

Вижу внутренним оком роад-мувиё: собрались молодые критики и поехали в Екатеринбург, спасти критику от Романа Сенчина. Едут в поезде, пьют чай с водкой, беседуют о литературе, а потом, понятно, поиски словесности внутри Романа.

По существу, тут правы оба. Индивидуальной идеологии быть не может, это показывает Instagram. Бездуховность = мелкобуржуазный индивидуализм. Надо размыкать произведение не только по последним выпускам журнала НЛО, но и на ближайший культурный контекст: рэп, кино, история с географией. Представление, что произведение (книга) может контекстуалить лишь в «Галактике Гутенберга» либо в хронике текущих событий, – свойство ницшеанствующих недобитков и мелкобуржуазных недоумков.

Задумался я об образе удава в творчестве Анны Жучковой, прихожу с дачи домой и вижу, Анна Жучкова в «Мордоркниге» написала про «Мать Драконов (зачёркнуто) Критика». Это сын её Володя рецензию написал. Мы вообще за трудовые династии.

То есть, отнимая два плюс два, критик – это дракон. Или удав. Очень точно и тонко. Критик или наползает и давит, или налетает и жжёт. А главное – критик раздраконивает.

Как-то отмечали мы день рождения графа Дракулы. Он же Влад Цепеш. Тот самый, который сажал на кол сотрудников кол-центра. Повод перечитать «Сказание о Дракуле-воеводе», переслушать «Змај реда». И пришло мне в голову три соображения.

1. Тут возможна контаминация с сербским «драг» (дорогой): Драгутин, Драган. Недаром Константин XI – последний римский император – предпочитал фамилию матери Драгаш, а не Палеолог («старьёвщик»).

2. У него был афинский предшественник, собственно Дракон, который давал вышак за колоски (из поп-куль-

турных ссылок – альбом Draconian Times группы Paradise Lost). Собственно, drakon – действительное причастие настоящего времени от derkomai – «пристально смотреть, контролировать». Это понятно: у змей прозрачное веко, змея смотрит не мигая. А пристальный взор во многих культурах является синонимом контроля. Итого «дракон» derkomai – это буквально – «смотрящий». Сравни с азербайджанским причастием (тоже действительным, тоже настоящего времени) от bahmaq – «смотреть» – bahan, а с оглушением начального согласного – «пахан», буквально «смотрящий». (NB: никакой связи с «бахилами».)

3. Трансильвания, с которой связано имя графа Дракулы, в переводе с латыни – Залесье, т. е. Владимирская Русь, современное Подмосковье.

А теперь вспомните финал книги, которую перевела бабушка Дмитрия Кузьмина. Маленький принц попадает на Землю и умирает, ужаленный змеёй. Вы слышите, что «Земля» и «змея» – корень один?.. Князя (принца) не захотела земля, земщина. И его ликвидируют, вроде как Андрея Боголюбского. Дай бог Юрию Быкову снять кино на эту тему, иншалла.

Когда Анна Жучкова для иллюстрации «эстетической критики» сослалась на икону, «не сводимую к крашеной доске», меня осенило. Это же православная критика, о которой, кстати сказать, некогда поговаривал многохулимый ею Андрей Рудалёв: <http://litteratura.org/criticism/3370-anna-zhuchkova-chetyre-vystrela-v-upor.html>. Может быть, не надо скромничать и вместо «эстетическая» поставить en toutes lettres – «православная»?

Напомню силлогизм Шатова-Флоровского. Неправославный не может быть русским, не знающий греческого языка не может быть по-настоящему православным. Итого: не знающий греческого не может быть русским. Посему – вот список необходимых эллинизмов:

скепсис – мысль
космос – люди
кризис – Божий суд, припадок, способность суждения
поэт – Творец (см. символ веры)
патетичный – страдательный, ресентиментный (как выразился бы Алексей Конаков)
категория – приговор
критерий – суд
критерии – пытки
апофеоз – презентация (забавно, что в «Конспекте о кризисе» Александра Агеева на стр. 316 совершенно случайно эти два слова даны через тире)
мистик – сексот
критика – рецензия (отсюда понятно множественное число этого слова у Пушкина)
филология – болтовня
идеолог – мечтатель
миф – басня, фабула
история – сказка
прагматическая история – реальная история
грамота – наука, литература
грамматология – литература, литературоведение
пафос – болезнь
литургия – функция
трагедия – песня
аскеза – тренировка, практика
дидаскалия – учение, доктрина, инструкция
скандал – интрига
скандалия – озорство
катарсис – (за)чистка, карантин, искупление
хтонь – Михаил Бойко придумал, что ли, по аналогии с северянинским «бездарь»; к эллинскому «хтон» приспособлен русский суффикс «-ь». Мелочь, а элегантно.

Забавно также, как слово «смысл» вытесняет идеологизированное слово «идея».

Эстетические критики должны беседовать примерно так:

– Радуйтесь, Парамон Ипатич, что вы так патетичны сегодня! Τι περριζενουμε στην αγορα.

– Чему радоваться, добрый игемон Порфирий Романыч, οι βαρβαροι δεν ηλθαν. В результате все на пафосе, а у некоторых кризис! У нас вся периодика в катарсисе: синоды-синклиты каждый день, мистики-скандалисты кругом, одна филология в организме, никакой литургии.

– А о чём логомахия?

– Да вот, говорят, антропологическая катастрофа.

– А вы где сейчас литургисаете, почтенный клевет?

– В периодической эфемериде синдиком: охлокритики составляю, грамотеям делаем раздракон, поэтам аутопсию. Грамматолог я по образованию.

– А я синтаксис по библиям ортодокшу и апофеозы готовлю по автократорским дидаскалиям. Вы в какой парадигме онтологизируете?

– Метания у меня. Сегрегация поэтических практик.

– Полноте засорять наш логос кухонной латынью, Парамон Ипатич. Автокефальней надо быть! Скажу вам как клевет клевету: не делайте амфиболии, езжайте в хтонь на аскезу, пообщайтесь с космосом, трагедии попойте, эрос, танатос, ди́онис! Правильными тропами прогуляйте, пафос как рукой снимет. А идеологов мы поставим на критерии – они свой скепсис забудут, как «Отче наш». Мистиков вкупе с гнойными оксюморонами – за фаллос и на корм музам. Вот такая история с географией.

– Исполать!

Заметно влияние на Анну Жучкову её полуоднофамильца Василия Андреича Жуковского. «Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату – чувствуете

удовольствие или неудовольствие – вот вкус; разбираете причину того или другого – вот критика». Анна Жучкова цитирует Шлегеля (это Гегель на букву Ш), и это правильно. Критик должен завершать творение. Вот как я сейчас. Всё зерно на мельницу. Пусть будет и филологическая, и эстетическая, и граммар-карательная критика. Всё движуха. Дай бог Анне Жучковой ещё много жучить и раздраконивать, а также медленно наползать. С нами Бог, а также Виктор Топоров, Олег Павлов и Александр Агеев.

С гранатой в кармане, с чекою в руке

*Я люблю,
чтоб мне если уж ввали,
то весело.*

Был у нас Вадим Кожинов – теперь есть Вадим Чекунов.

Критика Чекунова даже не критика, а антифанфик, вроде «Помнишь, братка, давили эльфийскую мразь» свежеунацбешеного Михаила Елизарова. И я реально боюсь, что писатели совсем распоясаются, специально, чтоб их потом раздраконил и отфакчекал Чекунов. Гони этих гостомыслов, Вадим, поганой метлой.

Что сказать за фрау «Зулейха»?

«Зулейха» переделывалась из сценария в книгу, а там свои габариты уместного. Надёжность визуалки – вещь спорная, если у нас не камера, а глаз и память. Человек из своей собственной жизни помнит пять процентов, да и то: здесь помню, здесь не помню. Консультантов нанимать на каждый чих – дорого, в «тёте Вике» лазить – долго и ненадёжно. Рерайтеров не хватает в стране, криейторы одни.

Но если есть художник-«ятаквижу», отчего б не быть «ятаквижу»-сценаристу?.. Или фрау Зулейха в кинище на закадровый голос понадеялась?.. Есть такой киноприкол – чтоб закадровый нарочно шёл вразрез с картинкой. Очень смешно. И вообще, ребят, губят нас реализм и длинные планы. Надо, чтоб планы летели, как в Голливуде или ещё быстрее – как у поляков. Тогда б никто и не заметил ничего, что там притаилось в углу.

А если человек «за красотой сюжета погнался»?.. Вот вы филолог и имеете высокую страсть для звуков жизни не щадить? Или не умеете приврать для красоты?.. Тогда какой же вы, к чёрту, филолог? Губит нас реализм, короче. Настоящий филолог должен, просто обязан лгать, врать и изворачиваться – для красоты фразы, для красоты картинки, для красоты сюжета.

Красноордынцы в тени Эйфелевой башни – очень объяснимо. Ещё Симонов писал, что настроение у бойцов было в сорок пятом – идти дальше, «к последнему морю», как завещал Чингиз. Тут у фрау Зулейхи просто разыграло монголо-татарское. Но, как и в 1920 году над Вислой, помешал проклятый Сталин.

Что немецкий у Зулейхи без перевода – так наш главнокомандующий неплохо владеет, говорят. И с тётёй Анжелой собираются-таки Великий Шёлковый налаживать, Берлин – Пекин. Да и вообще немцы – это братья-славяне, только с придурью. Поскреби немца – найдёшь славянина, поскреби славянина – найдёшь татарина, поскреби татарина – найдёшь мадьяра, поскреби мадьяра – найдёшь немца. В «Кирзе» у самого Чекунова лейтенант Цейс, из поволжских немцев, ласково именуется унтерштурмфюрером, а подполковник Порошенко – Геббельсом. Провидец Чекунов уже тогда упромысливал порошковскую суть.

Вопросы бар? – Вопросы ёк.

Что сказать за Алексея Иванова: «Одной рукой пишет, а другой шарит в Сети»?

Спасибо братскому англосаксонскому диалекту – глагол «шарить» набрал магизма. Он значит не только искать-искать, но и делиться-давать. Дети, кстати, такие вещи часто путают. Мои постоянно путали give и get.

Чекунов ущучивает (точнее – убобряет) Иванова, «мастера точной детали». Так русская литература всегда отличалась точной «лишней» деталью, лишним человеком, лишёнцами, лихими людьми – отсюда и Лихолётов, и солёная селёдка. (Кстати напомнить: по-гречески «лишний человек» будет αχρηστος, «нехристь».) Селёдку можно и пожарить. Но можно жарить и солёную селёдку. Так что претензия к Иванову тут одна: он не уточнил – жареная ли солёная селёдка или нежареная.

Вот Чекунов привязался к «долине Шуррама», дескать, нет такой. Чекунов не понимает, что так удобней гуглить. Если б это была реальная долина, выпало бы в «Гугл» много туризма, а так – выпадает один Иванов с Чекуновым. Мелочь, а приятно, согласитесь.

Прилепина Чекунов check-ает за Дёгтева с эсэсовским перстнем, однако в «Кирзе» читаем: «В идеале фуражка (дембеля) должна походить на немецкую времён Великой Отечественной войны». Будем надеяться, что не на эсэсовскую фуражку, а вермахтовскую.

Сравнения надо развёртывать. Вот написал Вадим, что Прилепин похож на мясника, Водолазкин – на пастора, а Зулейха – на операционистку, Олег Демидов радостно это воспроизвёл – дальше что?.. Надо дальше их барбароссить. Это же ирландский анекдот: собрались вместе мясник, пастор и операционистка. И девушка ручного бобра на верёвочке привела. Risum teneatis, amici. Сразу пахнет блокбастером – Once upon a time in Olster. (Прим. ред.: Ольстером этот гадёныш на Донбасс намекает.)

Тем более что сам Вадим Чекунов похож на английского футбольного хулигана.

Вообще судить об авторе по фотокарточке, а о книге – по обложке не только правильно и необходимо нужно – это интуитивно априорно точно и адекватно верно, как сказала бы Валерия Пустовая. Вот я Гегеля не читал. Но я на его фотокарточку посмотрел, и всё мне ясно стало и про диалектику, и про феноменологию духа, и про бытие. «Посмотришь ты на него острым глазком, и всё понятно. И не надо никаких разговоров». Более того. Рецензия без обязательного физиогномического «диагноза по юзерпику» – принципиально неполна. Веркин вон шутил, что по обложке судят о книге. Так, ребят, это нормально. Над обложкой тоже надо работать. Перечитайте, как драконит Макс Волошин Валеру Брюсова за переводы Емели Верхарна. Он в первую очередь сравнивает их портреты.

Запятую можно поставить и старику Чекунову. Откуда он взял это дурацкое слово «вымороченный»?.. Такого слова не существует. Есть слово «выморочный» – юридический термин, наследство без наследника. А слова «вымороченный» нет. Тут любопытная контаминация «выморить» и «морочить». А также, возможно, интерференция «мараковать», которое, в свою очередь, от *merken* и *maracı*.

А «всколоченные головы» из «Кирзы»?.. Это закладка на похихикать для братьев-филологов?

Слава богу, Чекунов наконец понял, что автор в текстах «Зулейхи» – Бог и даже больше, чем Бог. Может сделать бывшее небывшим.

Раньше был у нас «автор-соглядатай» или автор – «просто Бог». А сейчас у нас такой метамодерный гибрид автора «больше-чем-Бог», который может сделать бывшее небывшим, с автором – «от первого лица», который лжёт, врёт, забывает и несёт околесицу, как любой нормальный человек.

Правильно у муслимов. Чтение (Коран) создано прежде, чем мир. Посему книга и прочая литературная центричность имеют полный примат над миром и бытием. Написала «Зулейха», что кадушка там такая, значит, там какая надо кадуш-ка. Написала, что в сорок втором, а не в сорок четвёртом. Значит, в сорок втором. Летают у неё пули по странным угловатым траекториям – значит, так надо. Женщина хочет.

Отчего сие?..

Сети-сети, притащили вы наконец нашего тятю. Глобальные тенёта, мировая нейронная авоська уловила наконец Господа Бога. Бог ни жив ни мёртв, а мы внутри него – ещё нет.

Посмотрим на ситуёвину широко, по-камчатски. На чью воду льёт мельницу Вадим Чекунов?.. Вадим Чекунов и супостаты его одно дело делают. А именно жанровую революцию. Необходимо бесповоротно загнать фикшн под лавку, а на первое место (на получение премий) продвинуть сборники эссе, свежей фейсбушатины и прочего фрирайта. Прикольно было бы, чтоб эдак в 2021 году «Большую книгу» получил Сан Саныч Кузьменков за свои опусы, сведённые в эпос (дали же Степановой!). А за второе место, уж так и быть, поборются Прилепин или Яхина, что-нибудь баснословное.

Такая революция вещь не новая: литнобеля давали уже Моммзену и Черчиллю за историю, Бергсону – за философию. Черчилль у нас больше известен голодомором в Бенгалии, Бергсон – в пересказах А. Ф. Лосева. А вот Моммзена рекомендовал читать сам Лев Толстой, его «Римская история» была списана нашей краевой библиотекой и какое-то время провела у меня, покрываясь маргиналиями.

Цукербес уже купил «Инстаграм» и «Ватсап». Логично было бы ему купить всю литературу целиком, чтобы поднять уровень свежей фейсбушатины.